

Н.В. Лаврентьева

**ТРАДИЦИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И Н. ЛЕНАУ
В ЦИКЛЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ»**

Русско-немецкие литературные и культурные связи – одна из наиболее перспективных тем современной компаративистики. Объект исследования настоящей статьи – лермонтовские традиции и традиции Н. Ленау в творчестве Б.Л. Пастернака, систематизация и анализ фактов творческого обращения Б.Л. Пастернака к личности и творчеству

© Лаврентьева Н.В., 2014

ажательная связь поэтического цикла Б.Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь» с творчеством М.Ю. Лермонтова и немецкого романтика XIX века Н. Ленау. Поэтов многое связывает не только в пространстве поэзии, но и в личном пространстве.

Особую роль в анализе сборника играют посвящение Лермонтову и эпитафия, которые тесно взаимодействуют со смысловым пространством поэтического текста сборника, позволяют проводить дополнительные ассоциативные связи. Пастернак использует творческое наследие Лермонтова и Ленау по-разному: включает имена поэтов в текст собственных стихотворений, использует их стихотворные строки в качестве эпитафий, продолжает мотивы, близкие немецкому и русскому классикам (мотив сна), его лирическая героиня тесно связана с героинями как Ленау, так и Лермонтова.

русско-немецкие литературные связи, Б. Пастернак, М. Лермонтов, Н. Ленау, образ девочки, мотив сна.

Проблема сопоставительного анализа творчества М.Ю. Лермонтова и Б.Л. Пастернака, анализ опосредованного участия лермонтовских традиций в становлении поэтической и мировоззренческой системы будущего нобелевского лауреата требует отдельного монографического исследования, поэтому мы ограничиваем исследовательские материалы циклом «Сестра моя – жизнь».

Б.Л. Пастернак был увлечен М.Ю. Лермонтовым не только как поэт, но и, в первую очередь, как читатель. По Ю.М. Лотману при общении читателя с произведением «высокоорганизованный текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации... становится равноправным собеседником»¹. Исследователь уверен, что «...древняя метафора «беседовать с книгой» оказывается исполненной глубокого смысла»². Пастернак также на равных «беседует» с Лермонтовым, избирательно используя традиции, манеру, приемы и мотивы великого русского поэта. Лермонтовские традиции легко прочитываются во многих произведениях Пастер-

---

¹ Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избр. статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. С. 131.

² Там же.

нака. «Лермонтовский дух» наполняет его творческое пространство, однако если в поэзии и прозе отчетливо прослеживаются лермонтовские традиции, то в публицистике обращений к творчеству автора «Демона» практически нет.

Выбранная тема представляется нам актуальной, во-первых, в связи с тем, что, несмотря на довольно обширные научные исследования (работы В.М. Марковича³, С.Н. Бройтмана⁴, Т.А. Антудовой⁵, А.А. Кудряшовой⁶ и т. д.), посвященные сопоставительному анализу творческих методов М.Ю. Лермонтова и Б.Л. Пастернака, не все вопросы разрешены. Более того, использование современного терминологического инструментария позволяет расширить круг проблем, провести исследовательскую работу более полно и точно. Во-вторых, в 2014 году отмечается 200-летний юбилей М.Ю. Лермонтова, что, несомненно, пробудит интерес ученых и популяризаторов к дальнейшему изучению его трагической судьбы, особенностей поэзии и прозы, степени воздействия на последующие поколения не только читателей, но и собратьев по перу.

Степень влияния лермонтовского наследия на процесс становления Б.Л. Пастернака как поэта, несомненно, велика:

«Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы в вермут окунал...» –

писал Пастернак в стихотворении «Про эти стихи», вошедшем в цикл «Сестра моя – жизнь»⁷.

Будущий нобелевский лауреат воспринимает личность и творчество Лермонтова как один из элементов сложнейшей по своему образованию совокупности литературы и культуры прошлых столетий. Подобное отношение Пастернака к «прошлым эпохам» объясняется использованием в процессе формирования своего поэтического мировоззрения категорий, приемов и методов философской школы феноменологизма, для которой характерно трепетное отношение к истории. В автобиографической повести «Охранная грамота» поэт заметит: «Школе чужда была отвратительная снисходительность к прошлому, как к некоторой богадельне, где кучка стариков в хламидах и сандалиях или париках и камзолах врет непроглядную отсебятину, извинимую причудами коринфского ордера, готики, барокко или какого-нибудь иного зодческого стиля»⁸. Пастернак «однородно» и одновременно воспринимал всю мировую литературу, поэтому ему так легко было перемещаться во временном континууме, теряя счет векам и эпохам. В 1958 году в письме к Ю.М. Кайдуну, размышляя о значении и значимости

³ Маркович В.М. И др. Михаил Лермонтов: pro и contra. СПб., 2002. 1074 с.

⁴ Бройтман С.Н. Стихотворение «Памяти Демона» в книге Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65 № 5. С. 16–34.

⁵ Антудова Т.А. М.Ю. Лермонтов в художественном мире Б.Л. Пастернака : дис. ... канд. филол. наук. М. : Изд-во МГУ, 2010. 153 с.

⁶ Кудряшова А.А. Лермонтовский миф в русской литературе. М. : Изд-во МГУ, 2007. 137 с.

⁷ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. : в 11 т. М. : Слово, 2003–2005 ; Т. 1 : Стихотворения и поэмы. С. 115.

⁸ Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Там же. Т. 3 : Проза. С. 169.

искусства, он утверждает: «...искусство не равно самому себе и себя не исчерпывает, а обязательно значит нечто большее. В этом смысле мы и называем искусство, по существу, символичным»⁹. Поэт убежден, что литература прошлых веков раскрывает перед новыми читателями и писателями символический мир, в котором каждый найдет нужное и необходимое прежде всего для себя.

Поэты и писателя прошедших эпох становятся Пастернаку «близкими» друзьями.

«Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?» –

задается вопросом Пастернак в уже упомянутом нами стихотворении «Про эти стихи», объединяя в едином пространстве английского и американского романтика. Таким же «другом» становится и Лермонтов¹⁰.

Пастернак воспринимает поэзию Лермонтова творчески. «Творчество – процесс; восприятие творения – также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений», – абсолютно справедливо отмечал Д.С. Лихачев¹¹.

«Сестра моя – жизнь» – один из лучших циклов Б.Л. Пастернака. Одна из особенностей этого цикла – наличие многочисленных эпиграфов, что позволяет говорить о том, что в книге два смысловых пласта: собственно смысловое содержание стихотворений, входящих в цикл, отсылающих нас к литературным источникам XIX и XX веков, но, тем не менее, декларирующих определенную смысловую линию, а второй план – это план эпиграфов, существующих в роли знаков-маяков, дополняющих смысловую наполняемость текста, создающих свое содержательное пространство. Эпиграфы «перекликаются» между собой, составляя часть структуры «Сестра моя – жизнь». В качестве эпиграфа к циклу Пастернак использует строки стихотворения «Das Bild» австрийского поэта Н. Ленау, одного из любимых его поэтов. Также в качестве эпиграфов автор использует строки лермонтовского «Утеса» (эпиграф к стихотворению «Девочка»), обращается к творчеству П. Верлена (эпиграф к «Книге Степи») и Н.В. Гоголя (эпиграф к стихотворению «Распад»), вводит в качестве эпиграфа собственный текст (к стихотворению «Давай ронять слова...»).

Однако магистральной все же остается судьба Лермонтова и его творчество. Цикл предваряется посвящением Лермонтову, которое заставляет воспринимать все произведение сквозь призму «лермонтовских» установок. Пастернак видел в Лермонтове в первую очередь живого человека, не литературный феномен. Подтверждением подобного «живого» отношения становятся строки из уже упомянутого нами письма: «Я посвятил «Сестру мою – жизнь» не памяти Лермонтова, но самому поэту, точно он еще жил среди нас – его духу, все еще действенному в нашей литературе. Вы спрашиваете, чем он был для меня летом

---

⁹ Пастернак Б.Л. Письмо Ю.М. Кайдуну от 22 августа 1958 г. // Там же. Т. 10. С. 379.

¹⁰ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы // Там же. С. 115.

¹¹ Лихачев Д.С. О филологии. М. : Высшая школа, 1989. С. 18.

1917 года? Олицетворением творческой смелости и открытий, началом свободного поэтического утверждения повседневности»¹².

Б.Л. Пастернак, волею судьбы ставший составителем иностранной ленинианы, с интересом вчитывался в произведения европейских модернистов, особенно выделяя Марселя Пруста. Столь интенсивный интерес к французской прозе объясняется еще и тем, что Б.Л. Пастернак нередко использовал те приемы, которые найдут свое воплощение в «В поисках утраченного времени». «Утраченное время» восстанавливает и лирический герой книги «Сестра моя – жизнь», а посвящение Лермонтову позволяет ему, нарушив временной континуум, создать с помощью метафор, метонимий, ассоциаций иллюзию вневременности, бессмертия.

Например, в стихотворении «Зеркало» поэт использует все вышеперечисленные художественные средства и приемы:

Там сосны враскачку воздух саднят
Смолой; там по маете
Очки по траве растерял палисадник,
Там книгу читает Тень¹³.

В четверостишии в качестве переноса по смежности, так как в данном отрывке трудно употребить сравнительные союзы и невозможно определить предметы, сравниваемые между собой, использована метонимия «очки по траве растерял палисадник», основанная на визуальном восприятии тени от штaketника, огораживающего пространство перед домом.

В этом же отрывке легко обнаружить ассоциативные связи. Тень и книга – знаковые образы. Первый план произведения – мир, отраженный в зеркале. Лирика отличается вневременностью, лирический герой может быть близок и читателю XIX, и читателю XX века, произведения Пастернака не исключение. Однако эпиграф и посвящение позволяют нам расширить границы содержания. Книга в данном случае может быть рассмотрена как томик стихов Лермонтова. Стихотворения «Зеркало» и «Девочка» тематически связаны. В «Зеркале» сирень принадлежит саду:

Чтоб сук не горчил и сирень не пахла, –
Гипноза залить не могла¹⁴;

а сад враждебен трюмо – зеркалу – символу отраженной жизни:

Огромный сад тормошится в зале,
Подносит к трюмо кулак...¹⁵

В «Девочке» же сад вторгается в зеркало, то есть в мир искусственный, ненастоящий, но отражающий, живой, природный:

---

¹² Пастернак Б.Л. Письмо Ю.М. Кайдуну от 22 августа 1958 г.

¹³ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. С. 118.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 119.

Из сада, с качелей, с бухты-барахты
Вбегает ветка в трюмо!
Огромная, близкая, с каплей смарагда
На кончике кисти прямой ¹⁶.

Ассоциативный ряд продолжается в стихотворении «Ты в ветре, веткой пробуящем...» ¹⁷, которое тематически связано и с «Девочкой», и с «Зеркалом». Вновь лирической героиней становится «...Намокшая воробышком / Сиреневая ветвь!» ¹⁸, а сад все так же неистовствует, «слепит», «торкается», а ночью «Разбужен чудным перечнем / Тех прозвищ и времен...» ¹⁹. Пастернак в данном случае не уточняет имена тех, кто входит «в перечень», однако возможно предположить, что это свидетели его любви к Елене Виноград, которая и стала причиной появления цикла, а возможно поэт имеет в виду не только своих современников, но и молчаливых свидетелей его страсти – поэтов Эдгара По, Байрона и Лермонтова, ставших его собеседниками в стихотворении «Про эти стихи». Пастернак, конечно, знал о безумной любви Эдгара По к Елене Уитман, помнил о страстных увлечениях Байрона и Лермонтова.

Совмещение лермонтовских традиций и обращения к Ленау кажутся искусственными, однако подобное отношение очень быстро уступает место признанию многочисленных взаимосвязей, как прямых, так и опосредованных, в творческом треугольнике Лермонтов – Пастернак – Ленау. Мы можем выделить оппозиции Лермонтов – Пастернак, Лермонтов – Ленау, Пастернак – Ленау. Каждая оппозиция в свою очередь некатегорична, она открыта, легко преобразуется и видоизменяется. В жизни и судьбе поэтов много общего: Б.Л. Пастернак и М.Ю. Лермонтов учились в Московском университете, хотя надо отметить, что автор «Смерти поэта» вынужден был прекратить обучение. Н. Ленау и Б. Пастернак начинали как философы, оба обучались на философском факультете, однако избранный научный путь не привлек их, немецкий романтик предпочел философии право, а русский поэт во время обучения на философском факультете в Марбурге осознал себя поэтом. В поэзии, тем не менее, философское начало и у одного автора, и у другого получило значительное развитие: образ Фауста в творческом пространстве Ленау представляет собой сложный образ, который решен поэтом неоднозначно, оригинальна философская основа образа Мефистофеля; в художественном наследии Пастернака философские категории «память», «бессмертие», «жизнь и смерть как оппозиции» решены интересно и самобытно.

Лермонтов и Ленау – поэты, каждый из которых по-своему были близки плеяде «мировых скорбников» и тяготели к байроническому пониманию мира (Ленау, как и Байрон, рассматривал познание Фауста как негативный мотив, а об

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 120.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. С. 120.

отношении Лермонтова и Байрона, пожалуй, высказались все исследователи), боготворили природу, полагая ее источником свободы.

В четырех строках эпитафии из стихотворения Ленау «Das Bild» также присутствует природа во всей своей стихийной мощи:

Es braust der Wald, am himmel Ziehn
Des sturmes Donnerfluge,
Da mahl' ich in die Wetter hin,
O, Madchen, beine Zuge.

(Бушует лес, по небу пролетают грозовые тучи, тогда на фоне бури я рисую, девочка, твои черты.) Перевод выполнен Б.Л. Пастернаком для цикла «Сестра моя – жизнь»²⁰.

Центр четверостишия – образ девочки на фоне бури. Е.Б. Пастернак, замечательный исследователь и биограф Б.Л. Пастернака, усматривает в эпитафии намек на социально-общественную позицию прообраза лирической героини цикла «Сестра моя – жизнь» Елены Виноград: «Елене Виноград, как и большинству молодых людей, хотелось со всеми заодно принимать участие в переустройстве общества. Политические свободы, отмена смертной казни, национальных и исповедальных ограничений, амнистия политических заключенных давали толчок к головокружительным надеждам на будущее»²¹.

Немецкий и русский поэты не раз обращались к мотиву бури. В стихотворении «Бюст Бетховена» Ленау сопоставляет мощь гения великого композитора с шумом моря и ураганом, которые подвластны ему. Лермонтов так же условно принимает природу: лирический герой знаменитого «Паруса» ищет бурю, а Наполеон, герой стихотворения «Св. Елена», предстает перед нами равный по мощи духа морю, бури.

В поэзии Лермонтова и Ленау стихия любви равновелика стихии природы. Образ девочки, который создает Пастернак в цикле, тем не менее, апеллирует и к лермонтовским образам из поэмы «Демон». Первое стихотворение цикла «Сестра моя – жизнь» – «Памяти Демона» – напоминает нам о Тамаре, возлюбленной Демона, которая в смысловом пространстве, созданном посвящением и эпитафией, рассматривается нами в рамках образа девочки. Женский образ в цикле очень часто представляется либо частью природы, либо соседствует со стихией: ветром, дождем – с любыми проявлениями стихии. Оппозиция «женский образ – стихийное явление природы» также возвращает нас к эпитафии: у Ленау образ девочки возникает на фоне бури, лирический герой воссоздает ее черты как часть буйства стихии. Стихотворение Пастернака «Девочка», входящее в цикл «Сестра моя – жизнь», непосредственно соотносится с немецкоязычным эпитафией. Образ лирической героини в данном случае воспринимается

---

²⁰ Там же. С. 114

²¹ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М. : Советский писатель, 1989. С. 298.

нами и как женский образ, и как часть природы: из сада в дом вбегают девочка, и из сада же в дом приносят ветку сирени.

С образом девочки связан и второй эпиграф цикла – строки из стихотворения Лермонтова «Утес»:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.

Буря, ставшая обрамлением образа девочки, трансформируется во «влажный след», который оставила ветреная тучка «на груди утеса-великана», а сама тучка – «девочка» – магистральным образом цикла – столь же легким и неуловимым, как и золотая тучка.

Еще одним мотивом, связанным с образом девочки, важным для Лермонтова, Ленау и Пастернака, становится мотив сна. Тучка «ночевала» на груди «утеса-великана», а в стихотворении «Памяти Демона» лирический герой успокаивает возлюбленную:

...Клялся льдами вершин:
Спи, подруга, – лавиной вернусь.

Тема сна возникает уже в раннем творчестве Пастернака. Стихотворение «Сон» по структуре, тональности, ритмике, смысловой наполняемости обращает нас к стихотворению Лермонтова «В полночный жар в долине Дагестана...». Ленау довольно часто обращается к теме сна, позволяя провести параллели между его стихотворениями и произведениями Лермонтова. В стихотворении «Зимняя ночь» Ленау апеллирует к морозу, который позволит ему заснуть «глубоким сном»:

И мне, мороз, ты вмерзни в грудь,
Оледени мой жар мятежный,
Чтоб сердцу пылкому заснуть
Глубоким сном равнины снежной!

Сон как избавление от удушающей скуки напоминает знаменитые лермонтовские строки из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...»:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь...

Общий мотив «вечного сна» в каждом стихотворении приобретает иную тональность. Если в стихотворении Ленау лирический герой жаждет заснуть для того, чтобы остудить пылкое, но, как можно понять, одинокое сердце, то лирический герой второго стихотворения мечтает о другом сне, в котором могильный холод уступит место жизненным силам. Герой Ленау близок лирическому герою Лермонтова в стихотворении «Успокоение», в котором отсутствует образ «морозного сна», способного остудить пылающее сердце, но возникает картина успокоения души, по тональности близкая к уже упомянутому стихотворению М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...».

Последнее стихотворение цикла «Сестра моя – жизнь» созвучно строкам Лермонтова и Ленау. Название «Конец» говорит само за себя, трагический финал предопределен, лирический герой, как и герои Лермонтова и Ленау, задумывается о сне как альтернативе жизни:

Наяву ли все? Время ли разгуливать?
Лучше вечно спать, спать, спать, спать
И не видеть снов.

Лирический герой Пастернака ждет сна как избавления от жизни так же, как ждали его герои русского и немецкого романтиков:

Осень. Изжелта-сизый бисер нижется.
Ах, как и тебе, прель, мне смерть
Как приелось жить!

Пастернак не дает своему герою права на успокоение, потому что не принимает романтических настроений любимых поэтов, представляя их источниками силы, свободы, философского осмысления жизни. Стихотворный цикл уподоблен жизни: начало любви, которое ассоциируется с пением птиц, расцвет чувства – с образами природы, сада, девочки, и, наконец, финал, который поэт определяет точно и безапелляционно – конец. Действительно, конец любви и конец поэтической книги, ставшей двойником чувства.

Таким образом, Пастернак сочетает в цикле «Сестра моя – жизнь» традиции русской и немецкой литературы. Поэт не просто продолжает, развивает поэтическое наследие авторов XIX века, он осмысливает его применительно к особенностям современного этапа русской литературы. Перед нами не просто интертекстуальная зависимость Пастернака от тематики и стиля Лермонтова и Ленау, а осмысление тех глубинных мотивов творчества романтиков, которые может обнаружить вдумчивый читатель, замечательный знаток и объективный критик, которым и предстает Б.Л. Пастернак. Обращение к художественному пространству русского и немецкого поэтов позволяет Б.Л. Пастернаку создать многоцветное смысловое полотно, наделять лирического героя более сложными переживаниями, заставить читателя дополнить образы цикла чертами лермонтовских героев и героев поэзии Ленау.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антудова, Т.А. М.Ю. Лермонтов в художественном мире Б.Л. Пастернака [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 153 с.
2. Бройтман, С.Н. Стихотворение «Памяти Демона» в книге Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» [Текст] // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 5.– С. 16–34.
3. Кудряшова, А.А. Лермонтовский миф в русской литературе [Текст] / МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 137 с.
4. Лихачев, Д.С. О филологии [Текст]. – М., 1989. –208 с.
5. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста [Текст] // Избр. статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 129–132.
6. Михаил Лермонтов: pro и contra [Текст] : сб. ст. / сост. В.М. Маркович [и др.]. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. – 1074 с.
7. Пастернак, Е.Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии [Текст]. – М. : Советский писатель. – 1989. – 688 с.
8. Пастернак, Б.Л. Полн. собр. соч. [Текст] : в 11 т. – М. : Слово, 2004. – Т. 1. – 578 с. ; Т. 3. – 632 с. ; Т. 10. – 682 с.

REFERENCES

1. Antudova, T.A. *M.Y. Lermontov v khudozhestvennom mire B.L. Pasternaka* [Text] [M. Y. Lermontov in the B.L. Pasternak's art world] : *dissertation for degree of the doctor of philology* / Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2010. – 153 p.
2. Broymtan, S.N. *Stikhotvoreniye «Pamyati Demona» v knige B. Pasternaka «Sestra moy a – zhizn'»* [Text] [The poem "To the memory of the Demon" in the book of B. Pasternak's "My sister is life"] // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language. – 2006. – № 5.– P. 16–34.
3. Kudryashova, A.A. *Lermontovskiy mif v russkoy literature* [Text] [Lermontov's myth in Russian literature] // Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2007. – 137 p.
4. Likhachev, D.S. *O filologii* [Text] [About Philology]. – Moscow, 1989. –208 p.
5. Lotman, U.M. *Semiotika kul'tury i ponyatiye teksta* [Text] [Semiotics of culture and the notion of text]. – Tallinn, 1992. – Vol. 1. – P. 129–132.
6. *Mikhail Lermontov: pro i contra* [Text] [Mikhail Lermontov: pro and contra] /compiled V.M. Markovich. – SPb. : Publisher of the Christian Institute for the Humanities, 2002. – 1074 p.
7. Pasternak, E.B. *Boris Pasternak. Materialy dlya biografii* [Text] [Materials for a biography]. – Moscow : Soviet writer, 1989. – 688 p.
8. Pasternak, B.L. *Polnoye sobraniye sochineniy v 11 tomakh* [Text] [The Complete Works in 11 volumes]. – Moscow : Word, 2004. – Vol. 3. – 632 p. ; Vol. 10. – 680 p.

N.V. Lavrentyeva

M.YU. LERMONTOV'S AND N.LENAU'S TRADITIONS IN B.L. PASTERNAK'S

CYCLE OF POEMS «MY SISTER – LIFE»

The comparative research of Russian and German literary and cultural relations is a perspective trend in contemporary linguistics. B.L. Pasternak was an admirer of Russian and German literary culture of the 19th century. The article traces the influence of M.Yu. Lermontov's and N. Lenau's poetry on B. Pasternak's poetic collection "My Sister – Life". The three poets have poetic resemblance, their personal lives also have a lot in common.

A special emphasis is laid on the analysis of the Dedication to Lermontov and the epigraphs, which are closely interrelated with the content of the poetic collection and introduce additional associations. B. Pasternak mentions the names of M. Lermontov and N.Lenau in his poems, he uses their poetic lines as epigraphs to his verses, he elaborates the motifs that were used by the Russian and the German classical poets (the motif of dream). B. Pasternak's lyrical heroine is closely related to the heroines created by N. Lenau and M. Lermontov.

Russian and German literary relations, B. Pasternak, N. Lenau, M. Lermontov, Girl image dream motif.